

УДК 808.26-541.2

А. Вадас-Возьны

ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ И ЭКСТЕНСИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Рассматриваются проблемы перевода в связи с разграничением двух видов языковых контекстов – интенциональных (контекстов мнения) и экстенциональных (именных). Доказывается необходимость учитывать при переводе материал, имеющий отношение к языковой форме, и материал текстовый, принадлежащий субстанции речи.

Начало разработки двух типов контекстов – *интенциональных* (ИК), образуемых глаголами мнения, представления, знания, и *экстенциональных* (ЭК), независимых от личности говорящего, было положено в аналитической философии У.О. Куайна [1, с. 275]. Идея разграничения экстенционала и интенционала достаточно известна в современной лингвистике. Экстенционал – «н о м и н а т и в н а я (разрядка наша – А. В.-В.) сторона языковой единицы», а интенционал – это «свойства, которые составляют содержание слова» [2, с. 607]. Экстенциональные контексты иначе называются *контекстами именными*, или *контекстами имени*. Соответственно интенциональные контексты определяются как *предикативные* или *контексты мнения*. Основанием (базой) наличия двух типов контекстов является существование *того, что есть на самом деле* и может получить номинативную фиксацию, и *всего, что кажется*, относительно чего допускается мнение. Интенциональные контексты – это контексты «по установлению», т.е. та область нашего речевого поведения, где значение в основном зависит от психологических установок говорящего, например, в выражениях «Знаю я вас!», «*Już ja was znam!*», «Что волки жадны – всякий знает», «*Głodnemi chleb na myśli*». Такая установка обязательно имеет отношение к *норме*. Именно норма – выдающееся изобретение человечества – служит основанием для *мнения* о правильном и неправильном, хорошем и плохом. На норме основываются многочисленные правила, сознательно регулирующие жизнь и поддерживающие в ней относительный порядок. Нормативная интенциональная установка иначе называется *мнением*: *Мне кажется это нормальным... Я считаю это нормальным... Он мне показался каким-то ненормальным* и т.п. Однако мнение – только альтернатива (другое) реальности, которая продолжает существовать независимо от наших представлений о норме с ее устоявшимися «надо», «правильно–неправильно» и т.д. Большое значение этой категории в языковом сознании и в языке подтверждается, например, валентными связями слова *мнение/opinia*: *1. mniemanie, osąd, przekonanie, pogląd: przychylna, utarta opinia, sprzeczne opinie, głosić, wypowiadać (śmiało, dziwne i t.p.) opinie, podzielać czyjś opinię, polegać na czyjejś opinii, lansować, sondować, urabiać, wyrobić sobie, zmienić, zrewidować opinię o kimś, czymś* и т.д. [3]. Валентные связи слова *мнение/opinia* раскрывают его общественную природу. Существуют различные трактовки категории мнения: философская, логическая, психолингвистическая. Для целей нашего исследования важно установить, что мнение – это общепринятые представления о действительности, которые объективируются в языковой форме. Мнению не присуща категория точности: выражение «*Мне кажется, ...*» можно толковать так: «Я точно не знаю, я не уверен, я лишь предполагаю и т.п.». На статус мнения в речи/тексте указывают вводные слова и

словосочетания, например: *конечно, думается, несомненно, можно предположить; wydawać się, oczywiście, myślę, że, niewątpliwie, można przypuszczać.*

Типичной коммуникативной ситуацией, в которой от собеседников высказывания ожидают выражения своего мнения, является ситуация диалога. Однако в коммуникативной ситуации высказывание мнения может быть и односторонним, например, когда корреспондент берет интервью, он употребляет языковые средства, стимулирующие собеседника высказать свое мнение: *Как вам кажется? Как вы думаете? Как вы считаете? Не кажется ли вам? Могу ли я узнать? Позвольте узнать... Меня интересует Ваше мнение; Jak się panu wydaje? Jak pan myśli? Jak pan uważa? Czy nie wydaje się panu? Czy mógłbym się dowiedzieć? Pozwoli pan, że zapytam..., Interesuje mnie pańskie zdanie...* Собеседник, отвечая корреспонденту, иногда лишний раз подчеркивает, что все, сказанное им, является его личным мнением и он не претендует на представителя какой-либо группы людей (например, *по-моему, я считаю; мне кажется; moim zdaniem; uważam, że; wydaje mi się*).

Мнение неотделимо от о ц е н к и, т.к. выражает отношение говорящего к предмету/ситуации. Будучи отношением, мнение всегда предстает как оценочное отношение. В логическом словаре оценка определена следующим образом: «М н е н и е о чем-либо, например, об объеме знаний и способностях ученика» [4, с. 426]. В общественном и индивидуальном сознании содержатся многообразные представления, образы действительности, которые отражают ее с разной степенью адекватности. Следует отметить, что в языковом сознании отражены не только правильные оценки и представления, но и ошибочные мнения. Приведем любопытный пример: надпись на транспаранте, который года два тому назад несла какая-то престарелая старушка во время антиабортного шествия в Варшаве: «*Mam prawo do bycia matką!*»

Все может стать предметом представления и оценки. Как правило, мнению подлежит поведение члена общества. Так, злободневной темой общественной жизни является пьянство. В русском языке встречаем основанные на мнении слова-оценки *алкаш, выпивала, пьяница* и др. для характеристики человека, злоупотребляющего спиртным. В польском языке таких людей называют: *alkoholik, bibuła, moczygęba, moczymorda, opilec, opójk, pijak, pijanica, pijus, pijaczyna* и др. Когда говорят о пьяном человеке, употребляют также сравнения и метафоры, например: *pijany w sztok, w pestkę, pijany jak bela* (разг.), или следующие названия: *narąbany, zawiany, zaproszony, zaćmiony, pod gazem*.

Интенциональные контексты – контексты концептуализации действительности. Осуществляемая в интенциональных контекстах концептуализация действительности – результат ее кодирования определенным образом. Например, концепт «университет» кодируется у одного выпускника университета образом тяжелых дверей, которые надо открывать, у другого – видом длинного коридора, у третьего – образом аудитории, где проходило большинство лекций. Концептуализовать действительность – значит п о к а з а т ь ее как систему представлений, обозначить. «*Концепт рождается как образ, но, явившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням обобщенности. С увеличением степени обобщенности концепт постепенно преобразовывается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем общеизвестный факт, что любой концепт надо объяснять на примере, который свидетельствует об образной природе любого концепта*» [5, с. 53].

Существование экстенциональных (именных) контекстов объясняется тем, что мнение дает в и д е н и е (осознание) мира – языковую картину мира. Экстенциональные акты восприятия (улавливания, «схватывания», *категоризации*) реальности, известные как акты категоризации, противопоставляются интенциональным механизмам отражения и *концептуализации* действительности. В истории языкознания В. фон

Гумбольдт высказал мысль, что слово не есть представитель реалии, но и выражение собственного нашего взгляда на нее. Экстенсиональные контексты – контексты впечатления. Большое количество названий одного и того же референта (единичного или собирательного) возможно потому, что каждый референт обладает целым набором категориально релевантных признаков, любой из которых может б р о с и т ь с я в глаза и презентировать референт. Причем разные названия не выступают как синонимы, а являются д у б л е т н ы м и названиями одного и того же, своего рода вариациями на одну и ту же тему, сохраняя тождество референта. Д.Н. Шмелев по этому поводу заметил: *«Необходимо со всей решительностью возразить против смешивания двух совершенно разных по характеру явлений: близости значений разных слов и способности языковых единиц называть одни и те же объекты»* [6, с. 48]. Понятие «одно» для экстенсиональных контекстов является таким же фундаментальным, как для интенциональных концепт «другое».

Будучи контекстами мышления, экстенсиональные контексты сохраняют интернациональный смысл, являются хранителями фонда человеческих мыслей. О наднациональности смысла и «едином фонде мыслей» писал Г. Фреге: *«В наше время люди склонны преувеличивать утверждение, что разные языковые выражения никогда не являются целиком эквивалентными, что слово никогда не может быть точно переведено на иностранный язык... Я хотел бы подчеркнуть, что разные выражения очень часто имеют нечто единое, что я называю смыслом или, вообще в ситуации с предложением – мыслью. Иначе говоря, мы должны признать, что тот же самый смысл, та же самая мысль могут быть по-разному выражены. При всем многообразии языков человечество имеет единый фонд мыслей. Если б любая модификация выражения запрещалась, потому что якобы влечет изменение смысла, модальная логика была б парализована; потому что задача такой логики вряд ли может быть реализована, если не допустить возможности распознавания той же самой мысли под разными масками»* [7, с. 147].

Приведем некоторые образцы именных (экстенсиональных) контекстов в русском и польском языках:

1. Инструкции. *Таблетки глотаются целиком, при необходимости запивая водой. При желании таблетку можно разломать наполовину или прежде растереть; W celu uzyskania zawiesiny należy zawartość każdej saaszetki rozpuścić w pół szklanki przegotowanej wody* (инструкции по медицинскому применению препарата).

2. Поучения. *Оценка за экзамен ставится в ведомость и вписывается в зачетную книжку студента (Из положения о приёме экзаменов и зачетов). P O U C Z E N I E. W oświadczeniu należy uwzględnić dochody członków rodziny /uprawnionego, jego małżonka i dzieci, pozostających we wspólnym gospodarstwie.*

3. Афоризмы. *Кто не работает, тот не ест. Хочешь мира, готовься к войне. Где нет умысла, нет и вины. Разрешено все, что не запрещен. Nie po drodze nam. Biednemu zawsze wiatr w oczy* (как экзотично звучит испанское соответствие *al pobre, el sol se lo come* – вольный перевод: бедного и солнце не щадит, т.е. для него ветер – спасение). *Uderz w stół, nożyce się odezwą. W cudzym oku źdźbło, a w swoim belki nie widzi. Im dalej w las, tym więcej drzew. Gdzie drwa rąbią, tam wióry lecą.*

4. Протокольные записи. *На месте происшествия, в 73 см от юго-западного угла комнаты и в 104 см от трубы батареи парового отопления на полу обнаружена стреляная гильза. Гильза металлическая, зеленовато-желтого цвета, бутылочной формы. Размеры гильзы: длина – 24,6 мм, внутренний диаметр дульца – 7,8 мм, диаметр корпуса – 9 мм, диаметр шляпки – 9,5 мм. На дульце гильзы расположены через 120° три точечные вмятины для крепления пули в гильзе. Корпус гильзы у шляпки имеет кольцевую проточку...»* (Протокол осмотра гильзы. Фрагмент). *Dom Opieki*

Spółecznej Arka w X prowadzony jest przez Parafię Prawosławną Wniebowstąpienia Pańskiego w X. Dyrektorem Domu jest ks. XX – proboszcz parafii prawosławnej w X. Placówka mieści się w budynku dwukondygnacyjnym, bez windy, mimo że pokoje mieszkalne usytuowane są również na pierwszym piętrze. Przy wejściu głównym do budynku wykonano podjazd dla niepełnosprawnych. Z wyjaśnień Dyrektora Domu wynika, że poręcze na podjeździe zostaną zamontowane w najbliższych dniach. (Protokół oględzin domu opieki społecznej. Fragment).

5. Призывы. *Поэты, менестрели, барды, несите доллары в ломбарды! Вырвем зуб любому волку, остальные хоть на полку! Войско, в качестве доплаты в лом сдавайте ваши латы! Не суйте в монитор ножи, давайте КЛИКАМИ дружить! До dzieła! Pomóżecie? – Pomogemy! Legia gola! Polska górą! Tysiąc szkół na 1000-lecie!*

6. Формулы этикета: *Добрый день! Благодарю! Очень приятно! Miło mi znowu pana widzieć. Jestem niezmiernie zobowiązany. Proszę na mnie liczyć.*

7. Признание в любви: *Я люблю тебя. Kocham tylko ciebie.*

8. Прославление: *Молодец! После второго места рисковал. Если не первое, значит проиграл! ... Вот молодец! В точку все сказала. Полностью поддерживаю! Zrobisz mi drugie śniadanie, aniołku? Moja mała gospodynia.*

Подобные выражения являются операционными (прагматическими); их назначение – проникать действительность разумом, оберегать, налаживать контакт, фиксировать, замечать и т.п.

Всякое слово или выражение можно отнести (включить) в интенциональный или экстенциональный контекст. Сравним *пьяницу* с *убийцей*. Интенциональный элемент – здесь только *пьяница*. *Убийца* – не просто слово, а номинативная единица (выражение), юридический термин, отсылающий нас к «делу» и установленному факту. Называя кого-то убийцей, мы не только говорим, мы свидетельствуем. *Убийца* – это *свидетельство* (номинация), связанное с законом и мерой. Произнося «убийца», мы как бы проходим по делу свидетелями. Юридическая перспектива убийства – дело, тюрьма. Данный термин принадлежит к юридически маркированным текстам, являясь его структурным составляющим.

Характеристика *пьяница* – это отраженное общественное оценочное м н е н и е, однословно представленное в языке. Непосредственного отношения к закону и мере пьянство не имеет. Данное антисоциальное явление относится к сфере норм и правил (*трезвость – норма жизни*). В то же время *алкоголик* – это уже не мнение, а ориентированный на точный медицинский диагноз.

Всегда можно поставить вопросы: что перед нами и с чем мы имеем дело – с *концептуальным элементом языка*, относящимся к интенциональным контекстам, или *категориальной единицей речи*, принадлежащей к контекстам экстенциональным (именным). Необходимо признать факт существования категориально ориентированных единиц и утверждать наличие в языке альтернативного (другого) плана – концептуально направленных элементов. Категориальные единицы закрепляются («приклеиваются» подобно ярлыкам) к реалиям, а концептуальные элементы устойчиво ассоциируются с образами-представлениями действительности в языковом сознании. Сопоставим синтагмы-словосочетания *белый снег* и *мягкий снег*. Первая синтагма является объективно-описательной – это дескрипция. Для того, чтобы назвать снег *белым*, необходимо заметить его качество – белизну, которая является таким же неотъемлемым модусом для снега, как *черный* цвет для сажи, *зеленый* – для зелья и т.п. *Белый* – интегральный признак. Называя снег *белым*, мы имеем возможность созерцать разные модификации отмеченного цвета: *белый с голубоватым оттенком, серо-белый* и т.п. Цвет пластически переливается, калейдоскопически играет бесчисленными оттенками, контрастирующими на том или ином ф о н е. Радикально контрастирует признак *белый* с призна-

ком *черный* (ср.: контраст света и тьмы). Белое воспринимается на фоне черного и наоборот. Прилагательное *белый* приходит в связь с экстенсией категории меры («более-менее»). Можно отмечать меру насыщенности белизной (рус. *белый до синевы, ослепительно белый, беловатый*; польск. *biały jak płótno, śnieżnobiały, bielutki, białawy*). Существенным является то, что признак *белый* имеет не относительный, а абсолютный характер. Снег *белый* не «для нас», не «как таковой»; снег *белый*, взятый сам по себе, «в себе», независимо от нас (ср.: *абсолютно белый*)¹. Безотносительность (абсолютность) только другое имя для качества. В этом проявляется категориальность качественного признака. Свидетельством категориальной сущности признака *белый* является его способность участвовать в процедурах категоризации. Отмеченный признак имеет широкий выход в номинативную область языков.

В речи прилагательное *белый* проявляет свою субстанциальную сущность, например: девушка в белом; ход белых; белые (раса); белые (белогвардейцы); *białe rączki, panna w bieli, białośnieżne pranie*. Выделяются реальные категории-классы, маркированные отмеченным признаком: *белый гриб, белый медведь, белая акация, белая горячка, белокочанная капуста, белое мясо, белый песок, белокопытник, белоглазка, белорыбца, белокровие и т.п.* Широко представлен признак *белый* в индивидуальных дескрипциях: *Белая церковь, Белгород, Białystok, Biała Podlaska и т.п.* Многие дескрипции с прилагательным *белый* обладают терминологическим статусом: *белый стих, белый уголь, белый шоколад, белые ночи, белый хлеб, белое железо, белое вино и т.п.* Широко употребляется прилагательное *белый* для наименования социальных категорий: *белобилетник, белошвейка, белодеревец, белополяки, белогвардейцы, белоэмигрант и т.п.* Существенным является идеологическое звучание прилагательного *белый*: *белая армия, белая гвардия, белый террор, белое духовенство, белая банда, белая кость, белоподкладочник и т.п.*

В отмеченном и подобном употреблении прилагательное *белый* обнаруживает способность к с и м в о л и з а ц и и. Так, если *белый шоколад* р е а л ь н о является белым, то дескрипция *белый гриб* уже символическая. Известно, что на самом деле *белый гриб* не является белым по цвету: у него коричневая головка и т.п. Белый цвет символизирует незапятнанность (белая фата невесты). Ср. также *białe karty w życiorysie/historii* – неизвестные, незаполненные фактами, скрытые: *dla mnie i dla moich kolegów lata osiemdziesiąte to «biała karta»* (Jarosław Kapsa). Нельзя не отметить поэтические потенции прилагательного *белый*: *белая лебедь, белый свет, белопенный*.

Основной признак экстенсией контекстов – замена равных – проявляется в перифразе с прилагательным *белый*: *белые мухи* – порхающие снежинки ранней зимы; *до белых мух* – до выпадения снега, до заморозков. Перифраза – прием интерпретирующей категоризации реальности.

Отмеченные потенции прилагательного *белый* являются неоспоримыми свидетельствами его принадлежности к экстенсией (именным) контекстам, в которых он является в двух «ипостасях»: реальной (*белый снег*) и фигуральной (символической, деэтимологизированной) – *белорус*.

Признак *мягкий* в словосочетании *мягкий снег* обозначает субъективное чувство, на основании которого снегу приписывается свойство – *мягкость*. Прилагательные типа *мягкий, холодный* соответствуют тому, что к а ж е т с я. (Ср.: сказка «Принцесса на горошине», повесть Ю. Бондарева «Горячий снег»).

¹ Более 100 названий снега у эскимосов свидетельствует о мере исследовательского эмпирического проникновения в обычную для них реальность, а также о необходимости назвать то, что непосвященное большинство других народностей просто не замечает.

Будучи с е м а н т и ч е с к и м, признак мягкий является релевантным для компонентного анализа своего з н а ч е н и я. Элементами лексико-семантических полей выступают не лексемы, а к о н ц е п т е м ы. Разные концептемы, входящие в одну лексему, обычно входят в разные лексико-семантические поля. Точно так же объектами компонентного (семного) анализа выступают не значения лексем, а значения концептем.

Переводятся с языка на язык по сути не лексемы, а концептемы. Так, русская лексема мягкий включает в свой состав концептемы:

- 1) «легко поддающийся при надавливании, приятный при прикосновении»;
- 2) «легко поддающийся сжатию, давлению»;
- 3) «приятный для глаза, слуха, не раздражающий, не резкий»;
- 4) «не имеющий четких, определенных границ»;
- 5) «кроткий, уступчивый»;
- 6) «нестрогий, снисходительный»;
- 7) «теплый, не суровый»;
- 8) «слабый, неуверенный в себе».

Поэтому она не может быть прямо соотнесена с какой-то английской лексемой. Переводчику приходится искать соответствия на уровне концептем, перебирая между *soft* (*bed, sound, water, palate, weather, winter, light, heart*), *mild* (*winter, climate, weather, disposition*), *gentle* (*movement, disposition*), *fresh* (*bread*), *upholstered* (*carriage, furniture*), *easy* (*chair*), *open* (*weather*), *mellow* (*weather, sound*), *shaded* (*light*), *smooth* (*movement*). В польском языке придется искать иное соответствие для случаев 3) (*mięka muzyka, subtelne kolory, spokojne dźwięki*) и 4) (*niewyraźna/rozmyta granica/przejście kolorów i kształtów*).

Концептуальные признаки имеют относительный характер – вступают в о п п о з и т и в н ы е системные отношения: *мягкий* – *твердый* и т.д. Такие признаки характеризуются интенциональным показателем – степенью. В отличие от меры, степень – категория грамматическая (формальная). Прескриптивные прилагательные, обозначающие относительный признак, имеют своим основанием представление о норме (ср.: представление о *нормальной* температуре, *нормальных* отношениях, *нормальном* состоянии здоровья).

Элементы интенциональных контекстов являются семантически п р о и з в о д н ы м и. Так, слова *врач* и *больной* можно описывать как семантические производные от *лечить*, а слова *преподаватель* и *студент* – как семантические производные от *преподавать* и т.п. Использование производного слова основывается на в ы б о р е из ряда альтернатив – *врач: или терапевт, или хирург, или...* Элементы этого ряда взаимоисключают друг друга: внутри рода при помощи исключающей дизъюнкции выделяются виды. Дизъюнкция же неотделима от выбора. Так, предложение «В аудиторию вошел преподаватель» может имплицировать дизъюнкцию предложений «В аудиторию вошел историк», «В аудиторию вошел физик» и т.д. (Под «дизъюнкцией» в этом контексте имеется ввиду в ы б о р из некоторого множества альтернатив какой-либо одной: если *p* имплицировывает дизъюнкцию *g, r* и *s*, то *p* имплицировывает либо *g*, либо *r*, либо *s*).

Вариативность концептуальных элементов связана с явлением гипонимии и с гипонимической парадигматикой. Принцип гипонимии позволяет, в зависимости от обстоятельств, выбирать более общие или более специфические слова, и это удобно для общения. Во всех случаях концептуально употребленное имя – один из вариантов, всегда альтернант, в отличие от референтного имени.

Экстенциональные единицы комбинируются в известные структуры – тематические группы. Их операционно-прагматическое назначение – информационно-смысловое членение реальности.

Особенность вариативности категориальных единиц экстенциональных контекстов диктуется основным принципом теории имени – принципом взаимозаменяемости.

В языковом выражении одно имя или именное выражение можно заменить другим, если оба они соотносятся с одним и тем же референтом, например: *Утренняя звезда* и *Венера*. Это свойство имен в лингвистике называется референциальным тождеством, или кореферентностью.

Итак, категориальные признаки закрепляются за фрагментами реальности, помогая человеку ориентироваться в мире; концептуальные признаки формируют образ, который становится концептом, придают всему форму и устойчивое определение.

Антитеза «концепт – категория» связана с фундаментальным противопоставлением семантической и прагматической области языка/речи. Взаимодействие и связь между семантикой и прагматикой² наблюдается, например, в возможности концептуальных признаков приобретать категориальные потенции (например: *мягкий вагон*, *мягкая вода*, *мягкая мебель*, *Мягков* (фамилия), *ленивец* – животное) и, наоборот, в переходе номинации в характеристику (ср.: «говорящие» фамилии: *Тяпкин-Ляпкин*, унтер *Пришибеев*, *słoń Trąbalski*, *Waligóra i Wyrwidąb* и т.д.).³ Наличие таких переходных случаев не отрицает факт антитезы в языке концептов и категорий.

Верным критерием отграничения экстенциональных (иначе текстопорождающих единиц) является факт, что они связаны с *еще неизвестным, не открытым*. Выражение «*Ничто не ново под луной*» (*Nic nowego pod słońcem*) в полной мере справедливо к единицам экстенциональной (номинативной) сферы. В экстенциональном (по сути эволюционном, номинативном) контексте нет ничего нового, есть еще не открытое, неизвестное человеку. Поворот на 180° происходит в противоположном интенциональном контексте. Здесь сразу появляется *новый человек, новые люди* (например, у Чернышевского). Эти люди строят *новый мир*.

В процессе порождения текста и речи мы диагностируем: подходит то или иное выражение, уместно ли оно здесь, в данной речевой ситуации, «то» или «не то», *pasuje* (*jest właściwe*) *odpowiednie* и т.п. Поэтому речь – категория этическая. В речи главное – смысл, мысль, которая должна прозвучать. Потому здесь не отражается картина мира, а проявляется его архитектоника (т о н ы, полутоны и обертоны), структуры смысла. Речь здесь идет не столько о норме, сколько об этических составляющих – насколько речь подходит к известной ситуации. Нет (не)соответствующего выражения – есть (не) *подходящее выражение*. То или иное выражение подходит к данному периоду – текущему промежутку времени, в который происходит (презентируется) речь. К другому периоду (ситуации речи) оно уже может не подходить.

Слово – альтернатива действительности. «Сказанное о...» – наша рефлексия (образ) мира. Говорящий, строя коммуникативную стратегию, *в ы б и р а е т* (или не выбирает) слова. Такой выбор обусловлен внешними факторами. Иное дело речь: оратор и *еще* подходящие к ситуации выражения, например: *Пасмурно, мутными глазами глядела на всех Катерина и не находила речи* (Гоголь). Следует отметить, что в повседневной речи мы не особенно затрудняем себя творческим поиском наиболее точных и адекватных выражений. Зачем искать, если есть уже созданные –

² Bożena Tokarz rozumie pragmatyzm jako cel podejmowania działania przez tłumacza, praktyczne połączenie myślenia i działania, czego rezultatem jest przekład. (B. Tokarz, *Polityka a przekład*. Pod red P. Fasta, Katowice 1996, Wyd. «Śląsk», S.19–27.)

³ Описывая принципы функционального перевода (представитель Е.А. Нида), К. Хейвовски писал: «... *Tłumacz dążący do ekwiwalencji dynamicznej ma na celu całkowitą naturalność wypowiedzi i stara się konfrontować odbiorcę z zachowaniami mającymi znaczenie w kontekście jego własnej kultury, nie zmusza go natomiast do tego, by rozumiał wzorce kulturowe z kontekstu kultury języka wyjściowego*. (К. Hejwowski, *Mit tłumaczenia funkcjonalnego: «Czy wilk może być lampartem?»* // *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Przekład. Mity i rzeczywistość*, Warszawa 2004, Wyd. Naukowe PWN. – S. 38–47).

закрепившиеся прецедентные выражения. Человек подобен громофону, репродуцирующему то, что уже было создано и написано до него.

Речь (и ее составляющие) предусматривает не знание, а компетенцию (грамотность) как говорящего, так и слушателя. Именно с речевой компетенцией связана герменевтика – наука о понимании и интерпретации речи. Разные речевые ситуации предусматривают наличие у участников – продуцентов и реципиентов – так называемых «фоновых знаний». Разный уровень культурной компетенции носителей языка, несмотря на существование единого интернационального культурного достояния человечества, ставит смысловые барьеры в межкультурных контактах носителей разных социумов [8].

Для подтверждения сказанного приведем в качестве примера четверостишие, относящееся к области так называемой «лингвистики каждого дня»:

*Aby w czystych pić szklanicach
Stosuj sposób imć Kmicica:
Szklanę za się wyrzucić bracie,
Albo umyć – po herbacie!!!*

Начинающие изучать польский язык сталкиваются здесь с проблемой культурной компетенции⁴. Кто такой «imć Kmicic»? Да и коннотация выражения «po herbacie» в польском языке явно не эквивалентна русскому «после чая» (ср.: *teraz to już po herbacie, trzeba było o tym pomyśleć wcześniej*).

Центральным моментом разграничения двух контекстов, с нашей точки зрения, является идея а л ь т е р н а т и в н о с т и (производной вторичности) интенционального контекста. Сознательный человек всему создал альтернативу: *горе и беда, смотреть и видеть, около и рядом, мера и норма, версия и вариант, балл и оценка, мой и свой* и т.д. Категории могут быть верифицированы как истинные; коммуникативные и относительные концепты соответствуют тому, что к а ж е - т с я правдой.

Идея изучения переводческой деятельности в связи с разграничением экстенциональных и интенциональных контекстов является новой для современной теории перевода. Между тем, вне всякого сомнения, названная идея может стать необычайно плодотворной и имеет несомненную научную перспективу. Она позволяет избежать многих заблуждений, в которые так или иначе впадают те, кто занимается текстом и его переводом. Какой бы языковой факт или речевое проявление мы ни взяли для анализа или рассмотрения, они непременно принадлежат/относятся к одному из названных контекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

⁴ /.../ w dzisiejszym świecie spotykamy coraz mniej ludzi, których można określić mianem absolutnie monolingwalnych czy też absolutnie jednokulturowych. Czy tego chcemy czy nie, globalizacja przekształca nas powoli w obywateli świata, mieszkańców globalnej wioski. /.../ W przypadku istotnych różnic między kulturami i językami zadziała zdolność do empatii oraz elastyczność naszego umysłu: wraz z autorami science fiction potrafimy przecież odwiedzać inne światy, w jakimś stopniu „rozumiemy” nawet Azteków – cywilizację, która powstała w całkowitej izolacji od świata europejskiego, kulturę radykalnie odmienną od śródziemnomorskiej. Inna sprawa, że nasze rozumienie innych światów i innych istot zawsze opiera się na naszym własnym doświadczeniu i znajomości własnej kultury /.../ mówiąc potocznie, zwykle mierzymy innych własną miarą. (K. Hejwowski, *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu. Przekład. Mity i rzeczywistość*. – Warszawa, 2004. – Wyd. Naukowe PWN. – S. 15).

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова; 2-е изд., стер. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. – М. : Наука, 1978. – С. 284–285; Słownik Języka Polskiego. T. 2 : L–P. – Warszawa, 1984. – 527 s.
4. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука. – 1976. – 726 с.
5. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 53 с.
6. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 448 с.
7. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логикофилософский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 347 с.
8. Ricoeur, P. O tłumaczeniu / P. Ricoeur, P. Torop. – Gdańsk : wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. – 327 s.
9. Петрачкова, І.М. Жанраўтваральная роля анімаў у гістарычных апавесцях К. Тарасава / І.М. Петрачкова // Известия Гомель. гос. ун-та. – 2002. – № 1 (10). – С. 122–124.
10. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка : навуч. дапам. для студ. ун-таў / Г.М. Мезенка. – Мінск : Выш. школа, 1997. – 119 с.

Hanna Wadas-Wozny. Intensional and Extensional Context in Translation

The idea of distinguishing the intensional and extensional contexts is a relatively new approach in the study of translation as a kind of activity. Without doubt, this idea has great perspective: its achievements should prevent mistakes and enable making correct decisions in translating.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.07.2010